

* * * * *

УДК 94(57).084.8

Иванов Александр Сергеевич
канд. ист. наук, старший преподаватель
Сургутский государственный университет
старший научный сотрудник
Тюменский государственный университет
88d@bk.ru

СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ ЮГРЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

*Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект № 20-78-10010)*

Модальность развития системы режимных поселений национального округа была задана процессом снятия со спецучета ссыльных крестьян, которые находились на поселении с начала 1930-х гг. (см. таблицу 1). Во время войны произошла «дестигматизация» первой волны спецпереселенцев, благодаря их призыву (начиная с 1942 г.) в ряды действующей армии. Освобождение ссыльных крестьян со спецпоселения началось достаточно необычно: во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов в ряде областей, краев и республик местные органы власти возбудили ходатайства о полном освобождении «бывших кулаков» из спецпоселения. За период с августа 1946 г. по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 регионах спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью сняты со спецучета. Были освобождены 408391 чел. Продолжалось также снятие с учета спецпоселений и по принятым в 1938–1946 гг. решениям (по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г., приказу НКВД СССР № 002303 «О снятии с учета трудссылки трудпоселенцев, призванных в Красную Армию и членов их семей», приказу МВД СССР и Прокуратуры СССР от 28 сентября 1946 г. и др.). В общей сложности в 1941–1952 гг. было освобождено 882622 спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» [17, С. 24–25].

Центр позволил регионам проявить подобную необычайно «широкую инициативу», поскольку к концу 1940-х гг. государство

Таблица 1 – Численность контингента «бывшие кулаки» на территории Югры (1945–1951 гг.). Составлено и подсчитано по: [6, Л. 92-109; 10, Л. 107-139; 11, Л. 141-173 об.; 12, Л. 85-119 об.]

	1 июля 1945 г.		1 июля 1949 г.		1 января 1950 г.		1 января 1951 г.	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Ханты-Мансийский округ	3956	11257	2429	7541	2112	6463	1457	4369
Тюменская область	6757	19530	4074	12862	3655	11373	2707	8607

достигло своей основной цели – сломало социальную структуру, советизировав крестьянский социум. Поэтому, местные власти, в значительной части регионов поселения, считали крестьян социально неопасными, ратуя за их освобождение. Почти за 20 лет нахождения на поселении в структуре крестьянского спецпоселенческого социума произошли коренные изменения: среди ссыльных крестьян доля рабочих (по СССР) составляла 40,5%, доля колхозников – 19,5%, служащих – 3,8%; единоличников – 0,3%. Показательно также наличие значительной доли престарелых и иждивенцев (14,7% – по СССР; 36,7% – по Тюменской области) и инвалидов (8,1% – по СССР; 13,0% – по Тюменской области), при том что категория «неработающие» составляла по СССР лишь 1,6%, а в Тюменской области таковых вообще не было, т.е. работали все или почти все трудоспособные [17, С. 32-33; 16, С. 146-149].

Из приведенных данных становится понятна логика событий, связанных со свертыванием «кулацкой ссылки» в Югре. Регион шел в тренде общеобластных практик (см. таблицы 1-3). Из приведенных данных видно, что власти освобождали людей достаточно дозированно, пропуская освобождаемых через бюрократический фильтр, предусматривавший рассмотрение дел ссыльных семей и индивидов в областной прокуратуре. Можно предположить существование определенного «лимита снятия с учета» – около 2 тыс. чел. в год (для округа). Эти данные коррелируются с данными по Тюменской области в целом. Также они подтверждаются единовременным снятием с поселения всех «бывших кулаков» (1677 чел.) в соседней Омской области [14, Б/л.; 16, С. 32].

Такое постепенное снятие со спецпоселения было вызвано локальными ведомственными интересами: во-первых, местные про-

изводственные структуры (рыбтресты и леспромхозы) не хотели терять рабочих «постоянного кадра»; во-вторых, хозяйственные организации были заинтересованы и могли лоббировать снятие с учета престарелых и инвалидов из числа ссыльных крестьян, с тем чтобы избавиться от «балласта», который нужно содержать (в случае утраты трудоспособности) за свой счет. Наше мнение находит документальное подтверждение в позиции руководства рыбтреста. В 1946 г., в объяснительной записке о хозяйственной деятельности Ханты-Мансийского рыбтреста, его руководитель Максютенко связывал рост доли не выполняющих производственные нормы с выездом за пределы области значительной части «... квалифицированных рабочих из числа бывших трудпереселенцев ...» [15, Л. 95]. Два года спустя, весной 1948 г., руководство Тюменского МВД сообщало в Москву о том, что «управляющий Обь-Иртышским госрыбтрестом тов. Максютенко отказывается ... содержать [спецпоселенцев-инвалидов], облсобес же в дома инвалидов не принимает из-за отсутствия мест и ссылаясь на то, что поскольку [спецпереселенцы] завезены рыбтресту – он и должен строить свой дом инвалидов, или содержать их на свои средства» [8, Л. 162]. Тем самым, идеальными кандидатами на снятие со спецпоселения являлись нетрудоспособные престарелые родители сына фронтовика, которые, утратив связи с «большой землей», не имели желаний или возможности вернуться в места выселения. «Кулацкая ссылка» на территории округа продолжала постепенно «таять», фактически сойдя «на нет» к 1954 г., когда оставшиеся на поселении крестьяне были полностью освобождены. На 1 января 1954 г. в Тюменской области на поселении находилось 2887 «бывших кулаков», при существовавшей к началу 1950-х гг. пропорции соотношения ссыльных крестьян между округом и областью, нужно полагать, что в Югре к этому моменту насчитывалось около тысячи человек данного контингента [14, Б/л.; 16, С. 32].

В 1946 г. на территорию Тюменской области депортировали 1237 немцев из Закарпатья. Они «растворились» в общей массе спецконтингента «немцы», при этом известно, что представители данной группы организовано расселялись в Микояновском и Самаровском районах Югры [22, С. 65].

Как показывают данные таблицы 2, третьим по численности контингентом на момент окончания войны являлись т.н. «ссылно-поселенцы», сложносоставной контингент, состоявший из пред-

Таблица 2 — Дислокация спецпереселенцев по Ханты-Мансийскому округу на 1 июля 1945 г.
Составлено и подсчитано по: [6, Л. 92-109]

Наименование области, района и его административного центра	Количество спецпереселенцев проживающих в населенных пунктах																
	калмыки		ссылно-селенцы		немцы		бывшие кулаки		сектанты		ОУНовцы		Всего				
	семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек	Мужчин	женщин	детей до 16 лет
Березовский	334	1027	238	670			378	1031	50	95	—	—	1000	2823	678	1265	880
Самаровский	379	1077	131	406	223	619	1264	4029	111	381	—	—	2108	6512	1403	2645	2464
Микояновский	405	1282	232	634	105	334	803	2283	45	153	—	—	1590	4686	915	1999	1772
Ларьякский	195	617			21	47			—	—	—	—	216	664	112	274	278
Сургутский	354	1050	256	753	—	—	784	2264	—	—	—	—	1394	4067	816	1681	1570
Кондинский	198	647	127	422	—	—	727	1650	—	—	—	—	1052	2719	547	1142	1030
Итого по Ханты-Мансийскому округу:	1865	5700	984	2885	349	1000	3956	11257	206	629	—	—	7360	21471	4471	9006	7994
Итого по Тюменской области:	4511	12840	2297	6882	6089	19939	6757	19530	206	629	105	277	19965	60097	11381	24025	24691

ставителей различных национальностей, высланных по различным причинам. Туда вошли и представители депортированного накануне войны (1941 г.) из областей Западной Украины, Белоруссии и Молдавии «антисоветского элемента» на юг Омской области. Бюрократической мыслью, по всей видимости, к ссыльнопоселенцам были отнесены также депортированные из АССР Немцев Поволжья и из под Ленинграда, также финны из окрестностей северной столицы, румыны и представители некоторых других этнических групп. Все они прибыли в Югру в результате вторичной компенсаторной репрессии (депортации) 1942 г. Основное отличие от других групп спецпереселенцев для данной группы депортантов заключалось в более строгом режиме, что наиболее ярко проявлялось в обязательстве не реже чем 2 раза в месяц отмечаться в комендатуре, в то время как немцы и калмыки отмечались один раз [21, С. 314; 8, Л. 141].

Спецконтингент «ссыльнопоселенцы» в послевоенные годы стал распадаться на «составные части», т.к. представителей некоторых, входивших в него этнических и социальных групп, начали снимать с учета. Так, решение о снятии с поселения финнов-ингерманландцев принято 28 января 1946 г., на фоне нормализации отношений с Финляндией. При этом финнам запрещалось возвращение в места выселения, за исключением участников войны, имевших правительственные награды [2, С. 150]. По данным В.Н. Земскова, впоследствии финны были взяты на учет как «социально опасный элемент», высланный из областей, объявленных на военном положении – т.е. ссыльные [16, С. 137–138]. Освобожденные со спецпоселения люди вскоре поспешили покинуть Сибирь. По всей видимости, местные власти, в лице уполномоченных переселенческих отделов при исполкомах, были не в курсе внутриведомственных «сверхсекретных» распоряжений и приказов и оказывали содействие финнам в порядке реэвакуации населения. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из событий 30 июля 1946 г., когда 16 семей финнов были направлены в районы Ленинградской области с территории национального округа. Начальник переселенческого отдела при Тюменском облисполкоме И.Т. Шубин, спустя почти два месяца, в конце сентября, вынужден был оправдываться перед Москвой, поскольку нарушил «указания» переселенческого управления при Совете Министров РСФСР от 27 марта 1946 г. В свое оправдание И.Т. Шубин заявил о том, что «финны (ингерманландцы) выехали из Ханты-Мансийского национального округа самостоятельно». Последнее утверждение сомнительно,

т.к. бывшие спецпереселенцы следовали в составе организованной группы из 40 семей реэвакуированных граждан [2, С. 169].

Данная оплошность была окончательно исправлена с принятием постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1947 г. № 5211 рс «Об удалении из Ленинграда и Ленинградской области финнов и финнов-ингерманландцев, самовольно вернувшихся». На основании этого правительственного решения, финнов, просочившихся в город и область, предполагалось выдворять в 24 часа, перед возвращением в места принудительного поселения в их паспортах проставлялся штамп: «Статья 38». Это означало запрет на проживание «в режимных местах первой категории», к которым как раз и относились места их выселения. Исключением оставались участники войны, имевшие награды, их ограничения по-прежнему не касались, война списывала многое [2, С. 153].

На предприятия лесной промышленности юга Тюменской области в 1947–1948 гг. были направлены представители контингента «литовцы» (861 человек), отосланные на поселение за пособничество «бандитам» и противодействие повторной советизации Прибалтики (как «кулаки и торговцы») [22, С. 65]. Вероятно также, что до тюменщины дошли отголоски не только операции «Весна» (май 1948 г.), но также захлестнули волны «Прибоя», обращенного против «буржуазных националистов» и членов их семей (март 1949 г.) [23, С. 139], т.к. численность литовцев в области возросла за два года (в сравнении с данными А.С. Пиманова) существенно (см. таблицу 3).

Важно отметить, что для данного контингента был установлен достаточно жесткий режим, сходный с режимом спецпоселенцев (обязательная явка в комендатуру дважды в месяц), при этом Югра, согласно правительственным решениям, не должна была стать местом поселения для данного контингента. Оказавшиеся на Обском Севере 19 семей, вероятно, были направлены сюда за какие-то проступки (например, могли высылаться на Север за «склонность к побегу» [7, Л. 202, 204]). О подобной практике вспоминала проживавшая на поселении в д. Ванзетур Березовского района С.У. Эрднеева: «Некоторые, работать не хотят, воровать ходят. Те «плохие» семьи в Устрем [на 90 км. севернее – авт.] куда-то отправили, [а] которые «лучше» семьи, себе оставил Ванзетурский колхоз» [18].

После войны Югру накрыла вторая волна «молдавской ссылки», к выходцам из Молдавии, оказавшимся в округе в 1942 г. в составе контингента «ссылнопоселенцев», добавились их земляки, депор-

Таблица 3 — Дислокация спецпоселенцев-выселенцев по Ханты-Мансийскому округу на 1 января 1951 г.
Составлено и подсчитано по: [12, Л. 85-119об.]

Наименование области, района и его административного центра	калмыки		немцы		из Молд.		бывшие кулаки		сектанты		указники		литовцы		Всего				
	человек		человек		человек		человек		человек		человек		человек		В том числе				
	семей	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Березовский	200	528	71	176	10	13	142	380	18	33	—	281	15	17	456	1428	382	636	410
Самаровский	278	636	319	989	8	34	444	1352	74	192	—	625	2	7	1125	3838 ¹	991	1599	1248
Микояновский	271	743	126	508			253	984	36	90	—	869			686	3194	848	1441	905
Сургутский	244	733	76	215			314	1220			—	472	2	6	637	2647 ²	681	1093	873
Ларьякский	136	342	6	13			18	71							160	426	102	195	129
Кондинский	93	253	37	82	128	409	286	742			—	153			544	1639	402	671	566
По Ханты-Мансийскому округу на 1 января 1951 г.	1222	3235	635	1903	146	456	1457	4369	128	315	0	2400	19	30	3608	13372 ³	3004	4964	3565
По Тюменской области на 1 января 1951 г.	3464	9472	7279	25694	2430	7549	2707	8607	148	343	0	3255	364	1159	16490 ⁴	56267 ⁵	13904	22656	19707

¹ Включая: 2 «ОУНовцев» и одного «власовца»

² Включая: одну семью, состоящую из одного высленца «из Крыма»

³ Включая: 2 ОУНовцев и одного «власовца» и одного высленца «из Крыма».

⁴ Включая: 5 семей «из Крыма»; 92 семьи «ОУНовцев»; 1 семью чеченцев.

⁵ Включая: 10 человек «из Крыма»; 173 «ОУНовца»; 2 чеченца.

тированные в 1949 г. В результате выполнения Постановления Совета Министров Союза ССР № 1906 от 18 мая 1949 г. и «указаний» ОСП МВД СССР от 17 мая того же года о завозе в Тюменскую область выселенцев из Молдавской АССР, они были переданы в распоряжение треста «Тюменьлес». Было определено, что к 10 августа выселенцы должны были быть доставлены в «северные районы области», конечным пунктом на территории Югры была определена пристань Сухой Бор в Кондинском районе. К 5 июля на территории области было расселено 7520 чел. [26, С. 736, 739]. Данные таблицы 3 полностью подтверждают вышесказанное. На территории Югры главным районом-реципиентом для выселенцев из Молдавии 1949 г. стал Кондинский район, где несколько сот человек были трудоустроены в лесной промышленности. Специально для их агентурного «обслуживания» была создана комендатура (10 новых комендатур, по всей области, в т.ч. в г. Салехарде, на Ямале) [26, С. 736, 739].

По предложению первого секретаря ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущева 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Выселение происходило на основании «приговора» общественного схода. Роль общественности в данном случае исполняло колхозное собрание, «общественные приговоры» утверждались райисполкомами. За период 1948–1952 г. на поселение в статусе спецпереселенцев-«указников» поступило 33266 высланных. Срок пребывания на поселении был определен в 8 лет [16, С. 157]. $\frac{3}{4}$ представителей данного контингента были трудоустроены на предприятиях лесной промышленности (данные по всей области), т.е. в большинстве своем, как и выселенцы из Молдавии и Литвы, были переданы тресту «Тюменьлес» [22, С. 66].

К началу 1950-х гг. на территории округа находились и несколько «экзотических» (т.е. не предназначенных первоначально к расселению в Югре) контингентов. Помимо упомянутого «контингента «литовцев»» нетипичным для территории округа было также нахождение под надзором окружных комендатур отдельных представителей контингентов «власовцы» (1 человек), ОУНовцы (2 человека) и одного выселенца «из Крыма», последний проживал в поселке Черный Мыс Сургутского района (см. таблицу 3).

Под наименованием выселенца «из Крыма» мог «скрываться» крымский татарин, грек, армянин, болгарин и т.д., один из более

130 тыс. человек, депортированных из Крымской АССР в 1944 г. Можно с уверенностью сказать, что этот человек был подвергнут вторичной репрессии, будучи направлен в районы, приравненные (с 1945 г.) к районам Крайнего Севера, т.к. Обский Север никогда не значился в списке районов вселения для представителей данного спецконтингента [1, С. 112–115]. Момент снятия со спецпоселения для различных групп выселенцев «из Крыма» наступил в 1956 г. [16, С. 259].

В 1946 г. трудами бюрократов карательного ведомства появился новый спецконтингент – «власовцы». В 1946–1947 гг. на спецпоселение поступило 148079 «власовцев». Эти люди направлялись на спецпоселение сроком на 6 лет [16, С. 131–132]. К 1 июля 1951 г. непосредственно на поселении по СССР числилось (без учета арестованных и находящихся в бегах) 120620 человек [16, С. 134]. На основании Постановления Совета Министров СССР № 3857-1763 сс от 7 октября 1951 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. спецпереселенцы «власовцы» из числа национальностей, выселенных «навечно», также переводились на спецпоселение «навечно». В итоге «навечно» на поселении было оставлено по СССР 5819 «власовцев». Подавляющее большинство «власовцев» были сняты со спецпоселения к сентябрю 1952 г. с запрещением проживать в столичных городах (Москве, Ленинграде и Киеве) и режимных местностях, а также в прибалтийских республиках и на территории Западной Украины и Белоруссии [16, С. 135–136]. Нужно полагать, что к этому времени был снят со спецучета единственный югорский «власовец».

В послевоенные годы последовательно ужесточалась ответственность за побег: с момента прибытия на спецпоселение депортированные подвергались наказанию в виде лишения свободы сроком до трех лет, а за укрывательство бежавших – лишения свободы до одного года [20, С. 178–179]. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. уголовная ответственность за побег была увеличена до 10 лет лишения свободы [28, С. 89–90]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. [25, С. 224–225] наказание за побег для выселенцев было установлено в 20 лет каторжных работ, а за укрывательство – 5 лет лишения свободы. Также объявлялось, что выселенцы были переселены в отдаленные районы Советского Союза навечно, без права возврата к

прежним местам жительства. Из анализа документов, отражающих случаи привлечения к ответственности по этому указу калмыков, можно заключить, что указ применялся дозированно, в индивидуальном порядке как мера показательного устрашения [9, Л. 258; 13, Л. 188]. После появления указа от 26 ноября, в режимном отношении спецпереселенцы были разделены на «спецпоселенцев» и «выселенцев» (высланных навечно). На территории округа к выселенцам относились калмыки, немцы, литовцы и один выселенец из Крыма (см. таблицу 3). Выселение «навечно» для этих людей продлилось до момента отмены указа 26 ноября 1948 г. в 1954 г.

К лету 1956 г. с поселения уже были сняты наиболее многочисленные (для Югры) контингенты немцев (самая большая их группа (почти 700 тыс. чел. по СССР) на основании Указа Президиума Верховного Совета ССР от 13 декабря 1955 г.) и калмыки (на основании Указа Президиума Верховного Совета ССР от 17 марта 1956 г., почти 48 тыс. по всей стране) [16, С. 259]. Это породило у некоторых авторов ощущение, что система режимных поселений и режимное пространство на территории Северо-Западной Сибири прекратили существовать в 1956 г. Например, Л.Ф. Гизатуллина в 2005 г. защитила диссертацию, где верхней границей определен именно пятьдесят шестой год [3].

В действительности же, система режимных поселений продолжала существовать еще несколько лет. До начала 1950-х гг. южные районы Тюменской области приняли лишь незначительное число выселенцев-ОУНовцев, к 1951 г. их насчитывалось 173 человека, двоих, видимо, проштрафившихся вторично, переселили на югорскую землю. К этому времени, депортации участников организации украинских националистов и членов их семей продолжались более 6 лет, с весны 1944 г. было депортировано в восточные регионы СССР более 75 тыс. человек. Ситуация на юге области существенным образом изменилась в начале 1952 г., когда на поселение прибыла последняя «сталинская» волна депортантов. 11 февраля в г. Тюмень прибыл эшелон с ОУНовцами – 293 семьи (1057 человек) [1, С. 140]. Процесс снятия ОУНовцев с поселения начался еще в 1956 г. (на основании Постановления Совета Министров СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемым из ссылки на поселение» от 15 мая 1956 г.). Однако, основная масса была снята с поселения в Югре на основании

Указа Президума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев» от 19 мая 1958 г., в результате принятия которого численность ОУНовцев за год (данные по всей области) сократилась почти в 5 раз. Нужно полагать, что остававшиеся на поселении «бандиты и националисты» и члены их семей были освобождены в течение 1959–1963 гг. в индивидуальном порядке. На основании данных постановлений правительства, и примерно в тех же пропорциях, освобождались выселенцы из Литвы и Молдавии [16, С. 263, 265, 269, 275, 278].

История «режимных людей» на территории округа закончилась лишь в середине 1960-х гг., в то время, когда поселенцы находились уже не под надзором отдела спецпоселений (ликвидирован в 1960 г.), а под административными ограничениями со стороны органов милиции. Подобного рода практики на территории региона (в отношении спецпереселенцев) завершились с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект «Свидетели Иеговы», «истинно-православные христиане», «иннокентьевцы», адвентисты-реформисты» и членов их семей». Истинно-православные христиане (ИПХ) представляли собой последний контингент, который расселялся целенаправленно в Югре (с 1944 г.), о чем свидетельствует статистика конца войны. К началу 1959 г. на поселении продолжало находиться лишь 55 представителей «катакомбной» церкви (см. таблицу 2) [16, С. 275]. Если мы сравним это с данными 1945 г., то увидим, насколько дорого обошлось (за 15 лет численность спецконтингента сократилась в 10 раз!) неприемлимое противостояние с властью (отказы от работы в колхозах и государственных организациях, получения советских документов и т.д.) членам данного религиозного объединения.

Содержание таблиц 1–3 позволяет также сделать вывод о том, что в послевоенные годы Югра постепенно утрачивала статус ссыльного края, «новые» контингенты (за исключением относительно многочисленных «указников») лишь незначительно восполняли механическую убыль спецконтингентов. Подобное положение диссонировало с ситуацией на юге области, где власти явным образом старались поддержать трудовые ресурсы, именно за счет «невольных сибиряков». Неоднозначность ситуации также поднимает вопрос о жизнеспособности системы спецпоселений в позднесталинский и постсталинский периоды.

Таблица 4 – Система спец(труд)поселений Югры в 1941–1951 гг.
 Составлено и подсчитано по: [4. Л. 100-100об; 5. Л. 43;
 6. Л. 92-109; 12, 85-119об.; 24, С. 284-285].

Дата	Кол-во коменд.	Кол-во мест проживания труд(спец)переселенцев-выселенцев	Среднее число насел. п. на коменд.	Численность, чел.	Среднее кол-во чел. на населенный пункт	Среднее число чел. на коменд.
1 июля 1941 г.	5	43	8,6	18522	430,7	3704,4
1 июля 1943 г.	5	44	8,8	17112	388,9	3422,4
1 июля 1945 г.	17	133	7,8	21471	161,4	1263
1 января 1951 г.	29	222	7,7	13372	60,2	461,1

Иными словами: могли ли представители депортированного «навечно» («вечная ссылка» продлилась с 1948 г. по 1954 гг.) населения (в Югре это относилось, в первую очередь, к немцам и калмыкам), находится на поселении продолжительное время после смерти И.В. Сталина? Составители многотомного издания документов «История ГУЛАГа», пятый том которого посвящен спецпереселенцам в СССР, озаглавив пятый раздел данного тома «Административный «беспредел» и кризис системы спецпоселений как составляющей части карательно-репрессивной политики тоталитарного государства. 1948–1953 гг.» [19, С. 19], отвечают на этот вопрос отрицательно. Нам же видится здесь не все столь однозначным. Содержание таблицы 4 показывает, что к началу 1950-х гг. система спецпоселений формально поддерживала на стабильном уровне основную характеристику режима – соотношение числа комендатур и опекаемых населенных пунктов – на уровне не выше 9 населенных пунктов на комендатуру, т.е., с этой точки зрения, система успешно противостояла вызовам времени. При более внимательном взгляде остановится очевидно, что ситуация не столь однозначная, поскольку режимные показатели явно деградировали (ухудшались) по признаку роста дисперсности расселения – за десятилетие средняя населенность «режимными людьми», опекаемых комендатурами мест, сократилась более чем в 7 раз – до 60 человек в населенном пункте. Последнее, как нам представляется, было вызвано ростом интеграции депортированных и ссыльных

в местные производственно-хозяйственные и социальные институты. Необходимо также вспомнить слова В.Н. Земскова о том, что период (1954–1960 гг.) массового освобождения спецпереселенцев был не отрицанием предшествующих, а их логическим продолжением [16, С. 283]. Данная позиция подтверждается очень плавным освобождением контингента «бывшие кулаки». Процесс освобождения ссыльных крестьян завершился в последние годы жизни и после смерти диктатора, что не сказалось на его скоординированности и продуманности. Это позволяет нам говорить о том, что сам по себе роспуск системы режимных поселений на региональном (уровне областей, краёв и т.д.) и субрегиональном (югорском) уровнях был целенаправленной политикой отказа от принудительного поселения и принуждения граждан к труду, с заменой внеэкономического давления на экономические стимулы при взаимодействии власти и регионального социума. Размышляя о значении системы режимных поселений, мы должны также учитывать, что в период позднего сталинизма не менее чем каждый седьмой житель Югры (не менее 13%), согласно нашим осторожным подсчетам, являлся спецпереселенцем [см. таблицы 1–3; 27, С. 47].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. 271 с.
2. Бугай Н.Ф. Финны-ингерманландцы. Трансформации этнической общности: забвение, возрождение, перспектива. М.: Аквариус, 2017. 314 с.
3. Гизатуллина Л.Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тобольск, 2005. 217 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 119.
5. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 142.
6. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 260.
7. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 299.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509.
11. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 557.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 599.
13. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 710.
14. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848.
15. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 118. Оп. 1. Д. 384.
16. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
17. Земсков В.Н. Судьба «Кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 18–37.
18. Интервью с С.У. Эрднеевой (1929 г. р.) // Полевые материалы автора, Березовский район, 2012 г.

19. История сталинского ГУЛАГа, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. 822 с.
20. Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было : сб. док. и мат-лов. Кн. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
21. Пасат В.И. Депортация «антисоветских элементов» из Молдавской ССР в 1941 году // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.). М.: ИРИ РАН, 1999. С. 297-328.
22. Пиманов А.С. Этническая ссылка в Тюменской области (1940–1953 гг.) // Вестник Тюменского гос. ун-та. 1998. № 1. С. 62-68.
23. Полян П.М. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
24. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 311 с.
25. Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
26. Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД Материк, 2005. 904 с.
27. Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган: ООО «Курганский дом печати», 2018. 168 с.
28. Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е годы: сб. науч. статей. Новосибирск, 2006. С. 72–102.